

"ВНОВЬ ПЕРЕЖИЛА ВСЕ БЫЛОЕ..."

Вера Карпетовна Мазманьянц, почти полвека проработала в Центральной научной библиотеке университета. Многие начинания, ставшие теперь нормой жизни библиотеки, были введены при ее непосредственном участии. Ныне Вера Карпетовна проживает в Австралии с семьей дочери. Ее устами с нами говорит живая история.

Часть 1

*Памяти Эсфири Семеновны Беркович
и Рахили Абрамовны Ставинской*

Я родилась 5 января 1919 г. в Харькове. Папа был старым большевиком, как тогда называли вступивших в партию до революции и в первые годы после нее. Работал в профсоюзах на должностях разного ранга. Мама была домохозяйкой. Далее – детский сад, школа, университет.

Вспомнила сейчас садиковую групповую фотографию, на которой я в красной косынке – пролетарский символ. Кто нацепил ее ребенку – не знаю.

В 1937 г. окончила среднюю школу № 49 и поступила на русское отделение филфака ХГУ. У нас был замечательный курс. Много прекрасных, умных, талантливых юношей и девушек пришли в тот год на филфак: учился у нас Миша Кульчицкий (со 2-го курса он уехал в Москву), Миша Зельдович, ныне профессор ХГУ¹, Левочка Лившиц, тоже преподаватель филфака, много переживший и рано ушедший из жизни, Гриша Левин – поэт и воспитатель многих советских поэтов, в том числе Булата Окуджавы и мн. др.

В июне 1941 г. мы сдавали экзамены за 4-й курс, и 22 июня готовились с подружкой к очередному экзамену, запершись в одной из аудиторий филфака. И вдруг до нас донесся какой-то тревожный гул. Мы выскочили в коридор и увидели, что из всех аудиторий выбегают студенты и с криком "Война" несутся вниз по лестнице. На улице у

¹М. Г. Зельдович в последние годы с семьей сына проживает в Польше.

здания пединститута (оно было во время войны разрушено) огромная толпа слушала сообщение Молотова о том, что началась война.

Очень точно все это – подготовка к экзаменам в аудиториях филфака, тревожный гул, студенты, бегущие по лестницам со всех этажей, толпа у громкоговорителя – описано Олесем Гончаром. Он тоже учился у нас, только на курс младше, и, наверное, так же готовился к экзаменам, запершись в одной из аудиторий, засунув ножку стула в дверную ручку. Так и было.

Экзамены мы сдали, перешли на 5-й курс, и в июле весь университет отправился в один из совхозов Лозовского района помогать собирать урожай, который в тот год выдался невиданным. Мы вязали снопы, работали на молотилках и т.д. Мы были очень молоды и не понимали, что такое война и что ждет страну и нас. После работы веселились, пели, танцевали, устраивали вечера самодеятельности.

Зато хорошо понимала, что такое эта война Ляля Убийвовк. Она тогда была секретарем комитета комсомола университета. Я была членом комитета. Ляля просила, чтобы ее отпустили, и вскоре уехала в Полтаву. Что было потом, все хорошо знают.

Почти все наши мальчишки ушли добровольцами на фронт в составе Харьковского студенческого батальона, и большинство из них не вернулось.

Многие девочки тоже прошли фронт радистками, связистками, медсестрами. А после войны стали прекрасными учителями, директорами школ, журналистами.

В сентябре 1941 г. наша семья – мама, две сестры, брат и я – с первым эшелоном железнодорожников эвакуировалась². Папа в это время со своими сослуживцами был где-то на рытье окопов.

Приехали мы на маленькую станцию Тюлькубас в Казахстане, как-то устроились. Брат решил искать свою школу. Он учился в артиллерийской спецшколе, в 9 классе и очень хотел закончить ее. Со всем еще мальчик, товарными поездами, с узелком еды, он отправился неизвестно куда. Но он школу свою все-таки нашел. После окончания школы всех ребят направили в Ленинградское артиллерийское училище, которое находилось тогда в Ташкенте. Увидели мы его только мельком, когда, направляясь на фронт через Харьков, мальчишки-харьковчане навестили свои семьи. И больше мы его не видели – в марте 1945 г. он погиб, когда ему только исполнилось 20 лет.

² Отец В. К. Мазманьянц в то время работал в ЦК союза железнодорожников Юга.

В Харькове на Малой Панасовке (или на Большой – не помню)³ у здания, где до войны находилась одна из двух харьковских артиллерийских спецшкол, установлена стела – памятник погибшим школьникам-артиллеристам. Среди них есть и имя Владимира Мазмьянца.

В Тюлькубасе я узнала, что Харьковский университет находится в Кзыл-Орде, и я уехала туда. Встретили меня мои друзья-однокурсники. Было холодно, голодно и тревожно. Некоторое время я работала диктором на местном радио.

Но я не доучилась в Кзыл-Орде. В это время папино учреждение (ЦК союза железнодорожников Юга) решило перевести свои семьи в Тбилиси, где оно обосновалось. Выделили вагон и командировали моего папу в Тюлькубас за семьями. Мама мне об этом сообщила, и я решила ехать с ними и уже доучиваться в Тбилисском университете. Но надежды мои не оправдались. В университет на 5-й курс меня не приняли (расхождение программ и т.д.), хотя в зачетке у меня были одни пятерки.

Жили мы не в Тбилиси, а в Мцхете. Красивейшее место, где "обнявшись, будто две сестры, струи Арагвы и Куры" текли у подножья горы, на которой стоит монастырь из "Мцыри".

Работала я там в райвоенкомате начальником 2-й части. Вторая часть – это призывники. Вот я и призывала их в армию и отправляла на фронт. Очень мне было жалко этих мальчиков. Я провожала их на вокзал и уходила, только когда отправлялся поезд. Много было тогда интересных случаев, но это отдельный рассказ.

Вскоре после освобождения Харькова мы вернулись домой (в феврале 1944 г.).

Университет из Кзыл-Орды еще не приехал. (Там это был Украинский Объединенный университет.) Но в Харькове университет уже работал. Меня восстановили на 5 курсе. Группа составила из тех, кто оставался в Харькове, кто вернулся из эвакуации. В 1945 г. мы окончили университет.

И с этого года моя жизнь была связана с Центральной научной библиотекой Харьковского университета. Признаться, я никогда не думала, что буду работать в библиотеке. Но так сложилось, что в сен-

³ Школа находилась на ул. Малой Панасовской, где теперь располагается Центр профессионально-технического образования № 4.

тябре 1945 г. я пришла в университетскую библиотеку. Пришла, увидела и полюбила на всю жизнь.

Война окончилась совсем недавно. Харьков был полуразрушен. Пострадала и библиотека. Окна были выбиты, отопление не работало. Пострадали и фонды.

Когда наступили холода, в комнате абонементов и каталогов установили железную печурку, и все, кто мог по роду работы, стремились устроиться поближе к теплу.

В это время библиотека проводила переучет своих фондов, пострадавших в период немецкой оккупации. Были получены специальные ассигнования и набран временный штат. Вот на эту временную работу приняли и меня. Часть работников сверяла книги с инвентарными книгами в книгохранилище, а другая часть сверяла инвентари с алфавитным каталогом.

Мне нравилось работать в книгохранилище с "живыми" книгами, хотя там был жуткий холод. Я надевала на себя "сто одежек" – платки, валенки, перчатки, кофты, – и это давало возможность выдерживать целый рабочий день в холодном книгохранилище. Тогда я любила старое книгохранилище (так называлось старое деревянное хранилище в отличие от нового, 1902 года, металлического). Полюбила его красивые стеллажи, лесенки, переходы, балюстрады и предпочитала там мерзнуть.

В 1945 г. исполнилось 140 лет ХГУ. Юбилей этот отмечался очень скромно. Библиотека, как всегда, организовала большую книжно-иллюстративную выставку. В большом читальном зале, который не отапливался и поэтому читателей не обслуживал, на больших столах были разложены выставочные материалы. Иногда я заходила в этот зал. Я впервые видела такую выставку, такие книги. Мне было очень интересно. Позже я даже дежурила на этой выставке.

Когда переучет был закончен, временный штат был уволен, и только Татьяну Федоровну Мещерякову и меня приняли на постоянную работу. Я была принята в библиографический отдел – библиографом только что созданного справочного бюро и библиографом по филологическим наукам (кроме русской и украинской литератур, которые вела опытный библиограф Варвара Григорьевна Мухина, работавшая в ЦНБ с довоенного времени).

Заведовал библиографическим отделом Хацкель Соломонович Надель. И это по его инициативе было создано справочное бюро в системе библиографического отдела. Систематическая расстановка фон-

да в старом книгохранилище дала возможность быстро укомплектовать фонд бюро ценнейшими справочными изданиями, отечественными и иностранными. Справочно-консультационная работа была сосредоточена в справочном бюро. Библиографы привлекались в сложных случаях.

В это время основной функцией библиографического отдела была систематизация литературы, ведение систематического каталога, выставочная работа. Вторым сотрудником справочного бюро (а вернее первым) была Вера Смилянская. Она была моим первым учителем библиотечного дела.

В 1947 г. В. Смилянская ушла. Тогда Хацкель Соломонович попросил меня пойти к неведомой мне Рахили Абрамовне Ставинской и попросить ее зайти в ЦНБ⁴. Так мы познакомились, подружились и сотрудничали много лет. Рахиль Абрамовна стала основным работником справочного бюро. До войны она работала в библиотеке им. Короленько вместе с Хацкелем Соломоновичем. Там же тогда работала и Эсфирь Семеновна Беркович, которая пришла в ЦНБ в 1949 г. и стала нашей третьей подругой.

В 1947 г. Надежда Яковлевна Фридьева⁵ ушла из ЦНБ и полностью сосредоточилась на работе в Библиотечном институте. Заместителем директора стала Мария Наумовна Сливняк, бывшая ученым секретарем. Это именно она предложила мне, тогда совсем неопытному библиотекарю, стать ученым секретарем. Предложение было неожиданным. После сомнений и колебаний я согласилась, но с условием, что я буду продолжать работу библиографа. Тогда я была молода, не замужем, детей не было, и я вполне могла сочетать обе должности, работая по 10 часов в день. Была я ученым секретарем в течение 20 лет.

Директором библиотеки был зав. кафедрой педагогики и психологии ХГУ, профессор Лазарь Израилевич Гуревич. Не берусь судить о нем как об ученом, но организатором научной работы, администратором он был опытным, дело знал хорошо, был в разное время проректором и ректором университета. Он приносил опыт организации научного учреждения в работу библиотеки: совещание при директоре, отчеты зав. отделами, планы научной тематики и их выполнение.

⁴Р. А. Ставинская в это время (а перед тем – в эвакуации) работала библиотекарем на заводе им. Ф. Э. Дзержинского (ФЭДе), по месту работы мужа.

⁵ Работала заместителем директора ЦНБ.

Он требовал, чтобы все зав. отделами выполняли научную работу, не только библиографы (хотя далеко не все зав. отделами могли с этим справиться). Как только он появлялся в библиотеке, раздавался звонок – это он начинал вызывать к себе тех или иных сотрудников. А к концу рабочего дня вызывал меня: проверял выполнение поручений, выяснял какие-то вопросы, советовался, давал новые поручения. Работали мы допоздна. А на следующее утро, только начинался рабочий день, раздавался телефонный звонок – это звонил Лазарь Израилевич и требовал от меня отчета о выполнении вчерашних заданий. Как будто я могла их сделать за ночь. Так что, хотя работал он неполный рабочий день, относился к работе очень ответственно, постоянно думал о ней. При нем, по его инициативе было внедрено много нового.

Библиотечно-библиографические занятия со студентами сейчас приняты во всех вузовских библиотеках как обязательные. А мы это начали в самые первые послевоенные годы одними из первых в стране. И именно по инициативе директора ЦНБ. Сначала очень робко. Лазарь Израилевич стал практиковать их на своих лекциях по педагогике. Рахиль Абрамовна брала с собой несколько ящиков алфавитного и систематического каталогов и рассказывала студентам, как ими пользоваться, показывала указатели по педагогике и т.д. Затем я по просьбе некоторых преподавателей филфака проводила занятия с их студентами. Потом занятия стали проводиться и на других факультетах и, наконец, были включены в учебные планы и стали регулярными.

Став ученым секретарем, я "запросилась" в командировку в Москву, в наш Методический центр в МГУ и в библиотеку им. Ленина. Мне нужно было повидать "библиотечный свет". Много тогда посмотрела, узнала и "привезла". Мне очень понравился каталог названий художественной литературы в библиотеке им. Ленина. По приезде рассказала о нем, и мы сразу же принялись за его организацию. Думаю, что от него не отказались и сейчас.

Тогда же я "привезла" идею занятий по повышению квалификации сотрудников библиотеки. Их организация стала моей постоянной обязанностью. (И это оставалось обязанностью ученого секретаря и после меня.)

Мы установили постоянный день занятий. На них проводились библиографические обзоры, лекции, экскурсии, отчеты о командировках, рассказы гостей библиотеки, приезжавших из других городов и многое другое. Всегда хотелось, чтобы занятия были интересными, и

было время, когда их ждали и шли на них, как на праздник. С 1958 г. на занятия приходили и сотрудники учебной библиотеки. Очень нравились обзоры Владимира Адольфовича Станишевского, Михаила Григорьевича Швалба, Марии Львовны Штраймиш, Анны Иосифовны Черномаз и др.

Ежегодно я проводила занятия с новыми сотрудниками. На них рассказывала историю ЦНБ и всегда говорила о К. И. Рубинском. И не случайно М. Г. Швалб, когда взялся за биобиблиографию Рубинского, предложил мне написать о нем статью, а сам составил библиографию. И это была первая ласточка, высвободившая имя Рубинского из забвения.

С тех пор я постоянно занималась историей ЦНБ. Писала небольшие статьи, информационные заметки в журналы и газеты к юбилейным датам, о книжных находках, раритетах, выставках. И как итог – "История ЦНБ до 1917 г." (Ее я писала, давно уже не будучи ученым секретарем.) Это моя главная работа.

Тогда в Москве услышала, что наш принцип ведения каталога, когда в его рубриках отражаются книги и журнальные статьи, и что занимается этим библиографический отдел, называют харьковскими выдумками. (Кстати, библиотека им. Короленко делала точно так же, как и мы.)

Работу библиографа я очень любила. Любила и систематизацию новой литературы, и редактирование систематического каталога, процесс творческий, требующий знания предмета, и организацию выставок, и составление указателей. Все это очень любила и выполняла с увлечением.

Помню свои огромные (на весь лестничный марш, вдоль которого установлены витрины, вестибюль, верхние площадки в старом здании) юбилейные выставки, посвященные Л. Толстому, Гоголю, Чехову. Делала их по типу музейной экспозиции с использованием прижизненных публикаций их произведений в периодике (наш прекрасный фонд дореволюционных журналов позволял это делать), др[угих] редких изданий, разнообразного иллюстративного материала, многочисленных цитат. Я и сейчас вижу момент их открытия. Работала над ними по 1,5 – 2 месяца. (Все это могла делать, потому что сама себе определила ненормированный рабочий день). Звучит хвастливо (простите), но выставки были действительно хорошими.

О всех выставках писала заметки в университетскую и харьковские газеты. Их очень много было, в основном без подписи (не знаю, учтены ли они в библиографии ЦНБ).⁶

Помню, однажды поставила выставку о Суворове. Нашла тогда первое издание "Науки побеждать" и написала об этом в "Красное знамя". На следующее утро, до начала работы у библиотеки меня ждал какой-то генерал. Он прочел заметку, заинтересовался страшно и прибежал посмотреть книгу.

Редкая книга – это особая моя страсть.

В старом здании было очень тесно. В одной комнате размещался библиографический отдел и отдел редкой книги, да еще я принимала как ученый секретарь. Тогда я очень тесно общалась с зав. отделом редкой книги Еленой Сергеевной Александрович. Прислушивалась к тому, что она рассказывала экскурсантам, училась у нее, помогала ей ставить выставки, помогала в составлении указателя инкунабулов, держала его корректуру.

И влюбилась в редкую книгу. Работая над своими выставками, выясняла все о первых и редких изданиях произведений, обследовала наш фонд, и выявленные редкие издания передавала в отдел РК. Таким образом образовались фонды РК 1, РК 2 и т. д. Всегда внушала всем библиотекарям, работающим с фондами (учебной б[иблиоте]ки, кабинетов, книгохранилищ), что нужно обращать внимание на все надписи на книгах, печати, выходные данные. Кажется, они научились это делать.

С ужасом вспоминаю один факт. Когда-то в библиотеке при систематической расстановке был 1-й отдел – богословская литература. Все старые дореволюционные каталоги с него начинались. Как неактуальный, он был снят с полок и сложен в помещении вне библиотеки, во дворе. И много лет там находился. Когда зам. директора была Г. И. Солдатова, она решила от этой литературы избавиться, передать ее в утиль. Я ее очень просила не делать этого без меня, дать возможность сначала просмотреть их. Но... Она этого не сделала. Книги вывезли. Уверена, что там было немало редкостей. Я все ей высказала, а потом долго плакала.

⁶ Эти публикации в указателе «Історія Центральної наукової бібліотеки Харківського університету (1805-1992)» учтены.

И когда вспоминаю о редкой книге, делается очень грустно от того, что не довела до конца работу с книгами Стефана Яворского, Потебни, Пильчикова, которые я в свое время нашла.⁷

Как-то была я в командировке во львовских библиотеках – Академии наук и университета. Они разрешили мне поработать в их обменном фонде, и я отобрала первые издания Грабовского и других украинских авторов. Передали они нам и "Апостол" И. Федорова, которого у нас не было. Тогда я познакомилась с выдающимся украинским книговедом и библиографом, замечательным человеком Федором Федоровичем Максименко и переписывалась с ним до последних дней его жизни.

В бытность свою зам. директора, работая с зав. отделом РК Верой Алексеевной Репринцевой над годовым планом отдела, предложила ей начать сплошной просмотр дореволюционного фонда (вместо выборочного, как они делали ранее), с целью выявления редких изданий, книг с автографами, изданий типографии Харьковского университета и др. Так и сделали, и это сразу же дало ощутимые результаты.

Однажды, получив партию новых журналов, стала читать статью акад. А. И. Белецкого в журнале "Радянське літературознавство". Среди задач, которые он ставил перед украинскими литературоведами, было выявление и описание "славозвісної бібліотеки Стефана Яворського в Харкові". И я подумала тогда: "Если она в Харькове, то может быть в наших фондах". Никому ничего не говоря, сорвалась с места и помчалась в книгохранилище, где стояли старопечатные книги. И надо же! Первая книга, которую я сняла с полки, оказалась из библиотеки С. Яворского! Я стала просматривать все книги и выявила тогда 245 книг. Написала об этом в газету "Советская культура". Потом написала еще в разные газеты. Этим заинтересовались на телевидении, а также харьковские кинодокументалисты. Они сняли короткий фильм. Он прошел и по харьковскому телевидению, и по союзному.

Очень жаль, что библиотека не позаботилась о том, чтобы получить этот фильм и сохранить его в своем архиве.

Потом этим заинтересовались в Институте философии (если не ошибаюсь) АН Украины и через Ф. Луцкую просили написать им.

⁷ Формирование коллекций было продолжено сотрудниками ЦНБ М. И. Бобровой, Т. К. Грековой, И. И. Кононенко, В. А. Репринцевой.

А Ф. Луцкая к этому времени перевела с латыни "Элегию" С. Яворского.

Были мы с ней приглашены на конференцию, выступили там с сообщением. Писали еще в несколько изданий. В общем, библиотека Стефана Яворского введена в научный оборот, и теперь уже нельзя говорить, что она "затерялась где-то в Харькове".

И тогда же мы с Луцкой поставили перед собой задачу подготовить каталог этой библиотеки. Начали... но дело не довели до конца. И это до сих пор не дает мне покоя. Теперь это уже будет сделано без меня, но, надеюсь, что где-нибудь будет сказано, что "открыла" ее я.

Как-то моя дочь, шутки ради, попробовала найти мою фамилию в Интернете. И не поверила своим глазам – перед ней была статья Ирочки Кононенко о библиотеке Стефана Яворского, и в ней упоминалась моя фамилия.

Эта моя страсть к редкой книге, наверное, привела меня в Харьковский клуб любителей книги, к дружбе с его создателем – известным книговедом Исааком Яковлевичем Кагановым, а затем и к организации Клуба книголюбов в ЦНБ. Как мне кажется, мы очень плодотворно там работали.

Начало издательской деятельности библиотеки⁸ тоже положено Л. И. Гуревичем. В связи с готовящимся празднованием 150-летия ХГУ он предложил библиографическому отделу запланировать ряд указателей, связанных с Харьковским университетом – это указатели к периодическим изданиям университета, изданиям научных обществ, о Каразине и многие другие. М. Г. Швалб, В. А. Станишевский, Э. С. Беркович – основные исполнители этих работ. Но еще раньше, самой первой послевоенной изданной работой, положившей начало издательской деятельности библиотеки, был небольшой указатель "И. П. Павлов". Составили его Эсфирь Семеновна и я. И для нее, и для меня это была первая работа такого рода. Работали мы дружно и остались очень довольны друг другом. К сожалению, больше совместных работ у нас не было.

Потом уже в разное время, не работая в библиографическом отделе, я составила несколько указателей. Их немного, но все они, мне кажется, представляют интерес. "Марин Дринов" (в процессе работы я обнаружила, что мой школьный учитель литературы Климентий Ива-

⁸ Издательская деятельность библиотекой велась и раньше, но плодотворная началась в 1950-х годах.

нович Оконеvский был студентом Дринова); "Шевченкознавство в Харківському університеті" (два издания); "Яков Евсеевич Гегузин" (профессор-физик, мой товарищ студенческих лет); "Каталог диссертаций" (совместно с М. Г. Швалбом); и опять из области редких книг – "Первые издания произведений Достоевского в фондах ЦНБ".

Из этой же области – библиографическая заметка о первом издании "Слова о полку Игореве" в наших фондах. Одно время об экземплярах первого издания "Слова" писали очень много. Тогда было известно о 45 или 46 уцелевших экземплярах. Наши экземпляры в это число не входили. Я написала о них, и эту заметку опубликовали в "Ученых записках ХГУ".

Когда мне поручили работу над историей ЦНБ, я намеревалась написать ее так, как писала раньше, как пишутся подобные работы, как написано Рубинским, т. е. в хронологическом порядке. Так и написала. Но получилось не очень хорошо, скучно, серо, неинтересно. И тогда мне пришла в голову мысль написать по-другому – по видам работы: комплектование, обслуживание, студенческая библиотека и т.д. Писала увлеченно, не отвываясь. Получилось лучше, как мне кажется.

Вот и вся моя издательская деятельность, которую я выполняла, в основном, не работая уже в библиографическом отделе.

Как я уже писала, одной из основных функций библиографического отдела до войны и потом, до середины 60-х гг., были систематизация литературы и ведение систематического каталога. Мы, все библиографы, работу эту очень любили. Творчески относились к таблицам Троповского, внося свои коррективы, редактировали и перерабатывали свои разделы каталога.

Сначала я вела языковедение и фольклор. Потом, когда В. Г. Мухина уволилась, вела весь цикл филологических наук.

В 60-х гг. деятельность библиографического отдела и отдела обработки претерпела существенные изменения, т.е. [была] приведена в соответствие с традиционной библиотечной структурой. Этого требовал Методический центр вузовских библиотек СССР.

Из состава библиографического отдела была выделена группа библиографов, и я в том числе, которая стала сектором систематизации литературы отдела обработки, а я главным библиографом и заведующей этим сектором. М. Г. Швалб и еще несколько сотрудников остались в библиографическом отделе, который тоже претерпел некоторые изменения.

К этому времени стали выходить таблицы ББК. Наша библиотека решила переводить систематический каталог на ББК. И это стало основной нашей работой на долгое время. А я стала «главным специалистом» ББК. (Шучу, конечно.) Мы изучали таблицы в отделе, я проводила занятия во всех отделах, во всех вузовских библиотеках, консультировала их, когда они приступили к переводу своих каталогов по общественным наукам на ББК.

Мы очень организованно и красиво осуществили перегруппировку разделов каталога (не перевод на ББК разделов, рубрик и т. д., а лишь перегруппировку только разделов). В. А. Станишевский разработал метод перегруппировки, мы с ним составили схему расположения соответствующих отделов (ящиков), а затем весь сектор в течение 3-х дней переставил по этой схеме каталог, т. е. были переставлены отделы, а внутри все оставалось по-старому. В дальнейшем все систематизаторы по плану занимались переводом на ББК всех рубрик, каждой карточки и т. д. Работа эта продолжалась несколько лет.

Для изучения опыта перевода каталога на ББК я ездила в Москву, в Ленинград, была на конференциях в Библиотеке им. Ленина. Тогда услышала доклад об АПУ⁹ к систематическому каталогу и ознакомилась с АПУ в библиотеке докладчика.

Как ни странно, но мы обходились без АПУ. Когда консультантом была Кира Александровна Валицкая, она, не вставая со своего места, показывала пальчиком: «Вон там», и читатель находил то, что ему было нужно.

Я «заболела» АПУ. Провела несколько занятий и приступила к его организации. Ведение АПУ стало моей основной работой на всю оставшуюся жизнь в ЦНБ. И мы уже не мыслили систематического каталога без него.

Вспомнился ещё один эпизод моей деятельности в ЦНБ. Это переезд в новое здание.

Я была членом технической комиссии, которую возглавлял Михаил Григорьевич Швалб. Вместе все обсуждали и утверждали. Когда приступили к перевозке книг, весь коллектив был разделен на две группы: одна нагружала ящики в старом здании, другая – разгружала и ставили книги на полки в новом здании. Я руководила первой группой. Таня Назаренко по инвентарным книгам (как по нотам) диктовала инвентарный номер книг, которые нужно было снимать с пол-

⁹ Алфавитно-предметный указатель.

ки и в том же порядке ставить в ящик. Помню, когда мы заполнили последний ящик, мы вложили в него большой лист бумаги, на котором написали огромное «Ура!». Потом нам рассказывали, что когда этот ящик прибыл в новое книгохранилище, и его открыли, по всему зданию университета разнеслось громовое «Ура!».

Не могу не рассказать и о колоссальной выставке, посвященной 150-летию ХГУ в 1955 году. Тогда приказом ректора была создана большая комиссия из представителей всех факультетов. От ЦНБ в комиссию входила я. Председателем был Л. И. Гуревич. Меня командировали в Казань, где в январе отмечалось 150-летие Казанского университета. Это была чудная поездка. Приняли меня прекрасно, все показали, водили в местный музей, где я видела подлинную утвердительную грамоту Казанского университета. Наша ведь не сохранилась. По моему рассказу художники создали для выставки такую же.

В кабинете директора ЦНБ, в прилегающей комнате разместились художники, макетчики, столяры и т.д. Из всей огромной комиссии непосредственно разработкой плана выставки, подбором материалов, цитат, иллюстраций занимались доцент (тогда) химфака В. Н. Толмачев и я.

Работали несколько месяцев. Выставка заняла все здание административного корпуса ун-та на Университетской улице, начиная от входа. Тогда я получила благодарность от ректора ун[иверсите]та проф. И. Н. Буланкина, написанную им от руки на его бланке.

Довелось мне когда-то быть председателем профбюро. Однажды на 8 Марта устроила вечер с концертом и «Наполеоном», который испекла моя мама. Это было вскоре после освобождения Харькова, в библиотеке работали люди, пережившие оккупацию, голод и т.д., и этот «Наполеон» был неожиданным подарком. Мне так хотелось доставить им радость.

За время моей работы в ЦНБ сменилось 5 директоров. Пятый директор Эльвира Васильевна Балла. Она только что была утверждена в должности зам. директора ЦНБ, когда директор ЦНБ М. П. Кирюхин скоропостижно скончался. При таких грустных обстоятельствах Эльвира Васильевна стала директором. Но она не растерялась, мужественно взялась за дело и уверенно руководила библиотекой в течение многих лет. Авторитет её и библиотеки в университете и библиотечных кругах всегда был очень высок. В первые два года директорствования Эльвиры Васильевны я была её заместителем. Работали мы

дружно, отношения были доверительными, и я всегда с добрым чувством вспоминаю наше сотрудничество.

Все эти годы наша дружба с Рахиль Абрамовной и Эсфирь Семеновной не ослабевала. (Недавно Рома, сын Р. А., передал мне ее слова: «Мы так хорошо дружили»).

Мы были очень разными, но какая-то душевная близость родилась сразу же, как только мы познакомились. Р[ахиль] А[брамовна] и Э[сфирь] С[еменовна] до войны работали в библиотеке им. Короленко, хотя и в разных отделах, и это их сближало.

С Р[ахилью] А[брамовной] мы начинали работать в справочном бюро. Продолжали пополнять фонд, описывали книги, обслуживали читателей, давали справки и консультации, начали создавать архив справок (не знаю, сохранился ли он и ведется ли сейчас¹⁰).

Но [я] была и библиографом в отделе, а став ученым секретарем, работать в справочном бюро уже не могла.

Вскоре пришла в библиотеку Эсфирь Семеновна Беркович. Рахиль Абрамовна тоже стала вести некоторые разделы сист[ематического] каталога (педагогика, библиотечное дело и другие разделы), и Эсфирь Семеновна стала старшей в бюро.

Обе они были виртуозами справочной работы. Мне часто казалось, что просто нет, не может быть ответа на вопрос, заданный читателем. Но нет. Через какое-то время ответ был найден. Такие они были мастера.

Эсфирь Семеновна каждый раз влюблялась в свою справку, в читателя, в объект своего поиска. Она только об этом говорила, рассказывала, как ищет, причем она порой выходила за рамки библиографического поиска. Если вопрос касался какой-либо персоны, она справлялась в телефонной книге, нет ли такой же фамилии, звонила, и часто оказывалось, что это потомки интересующего ее лица. И радости не было предела.

Архив справок, если он сохранился, хранит ее письменные справки – результат кропотливой поисковой работы.

Справочное бюро находилось на первом этаже, в не очень большой комнате, половину которой занимали стеллажи, и там было очень тесно. Помню в какой-то год, когда я во время отпуска директора исполняла его обязанности, я попросила нашего библиотечного столяра, чтобы он установил в справочном бюро стеллажи вдоль стен

¹⁰ Архив сохранился и используется в работе.

и до потолка. За месяц отсутствия директора там старые стеллажи были вынесены, установлены новые и на них расставили фонд. (Может быть, эти стеллажи так и стоят до сих пор – комната возле туалета).¹¹ Стало светлее, появились места для читателей. Когда стали выходить реферативные журналы, поначалу их направляли в спр[авочное] бюро – и читателей всегда было очень много.

Эсфирь Семеновна много занималась составлением указателей и делала это со свойственной ей увлеченностью, пунктуальностью и высоким профессионализмом. Она была одним из авторов серии указателей к периодическим изданиям ХГУ, биобиблиографии «В. Н. Каразин" и мн[огое] др[угое].

С переездом в новое здание судьба Э[сфири] С[еменовны] радикально поменялась, как поменялась структура справочно-библиографического отдела. При обсуждении структуры библиотеки и ее отделов в новом здании было решено справочное бюро как самостоятельную единицу ликвидировать.

Не стало справочного бюро. Теперь был справочно-библиографический отдел с читальным залом и большим хорошо укомплектованным фондом, а Эсфирь Семеновна, как и Рахиль Абрамовна и остальные библиографы, дежурила там по расписанию. Так принято во всех библиотеках. Эсфирь Семеновна очень тяжело пережила эту реорганизацию. Но стала привыкать и работала, как все. Очень она любила свою работу. Трудились мы теперь в разных отделах, но нам всегда было интересно [вместе]. Человек она была умный, начитанный, с нежной и отзывчивой душой, с большим чувством юмора. Мы часто уходили с работы вместе и подолгу не могли расстаться. И опять разговоры и рассказы о справках, читателях, указателях и т. д. и т. п.

Но не только. Она любила поэзию, а музыка была ее жизнью. Мы были частыми посетителями филармонических концертов. Где бы я ни была во время отпуска или командировки, я всегда привозила ей пластинки с записями музыки, которую она любила. Много ходили в театры, концерты, выставки. Библиотека, музыка, искусство, литература – это была ее стихия. Без этого она не могла жить.

Сейчас не вспомню, в каком году ее отправили на пенсию, грубо, несправедливо. Такого опытного, знающего, нужного библиотеке человека «ушли».

¹¹ Теперь в этой комнате находится переплетная мастерская.

В это время театральная библиотека им. Станиславского получила новое здание. Э[сфирь] С[еменовна] попросилась к ним работать «на общественных началах». Там ее зачислили в штат и очень ценили. Занималась она там организацией систематического каталога. С этим она раньше не сталкивалась, поэтому часто обращалась ко мне за помощью, и я всегда с радостью помогала.

До сих пор вижу ее красивое лицо, чудные грустные карие глаза и слышу ее голос: «Вы вернетесь, Верочка?» (Я пришла к ней попрощаться перед отъездом в Австралию). Я сказала, что вернусь. Я не лукавила. Я ведь ехала в гости к моему 7-ми месячному внуку и не собиралась там оставаться. Но я не могла уехать, когда узнала, что Лизочке нужно выходить на работу, и ребенка не на кого оставить.

А Эсфирь Семеновна, моя дорогая Фирочка, с которой мы дружили 40 лет, ушла навсегда.

С Рахилью Абрамовной мы были близки, дружили, хотя с ней у меня было меньше общих интересов. Но я всегда знала, что она придет на помощь, когда это нужно, без лишних слов. Человек она скромный, сдержанный в проявлениях чувств. Вспоминаю, какой мучкой для нее было принять наш с Э. С. подарок в день рождения. Она верный, надёжный, преданный друг.

С Эсфирью Семеновной они были более близки и своим доверенным прошлым, и постоянным сотрудничеством в справочном бюро. А я с ней только в начале нашей деятельности в ЦНБ работала в справочном бюро. В дальнейшем непосредственных контактов по работе у нас не было, но это не влияло на наши отношения.

В работе Рахиль Абрамовна всегда была очень ответственной, добросовестной, трудолюбивой. Она ведь давно ушла на пенсию, но продолжала работать с той же добросовестностью и отличным знанием дела. Вы хорошо знаете ее как человека и библиографа высокого класса.

А я еще раз скажу спасибо моим подругам за дружбу и любовь.

Вот написала все это и вновь пережила все былое, и грустно, что всего этого уже нет, и радостно, что ЦНБ и они были в моей жизни.

Их памяти я посвящаю эти воспоминания.

Часть 2

Первую часть своих воспоминаний я написала по просьбе библиографа ЦНБ Светланы Борисовны Глибицкой: она задумала написать биобиблиографический очерк о трех подругах-библиографах (это ее слова), некогда работавших в ЦНБ – Рахили Абрамовне Ставинской, Эсфири Семеновне Беркович и обо мне. Но материала ей не хватало. Эсфирь Семеновну она в ЦНБ уже не застала, со мной едва познакомилась, как я уехала, и наше общение продолжалось уже в Интернете. Хорошо она знала только Рахиль Абрамовну, с которой проработала в научно-библиографическом отделе много лет. Вот и обратилась она ко мне с просьбой рассказать о них и о себе. Я охотно согласилась и написала все, что знала и помнила, и рассматривала эту работу только как вспомогательный материал для С. Глибицкой. Но, видимо, сама Светлана и руководство библиотеки сочли, что мои записки представляют самостоятельный интерес и могут быть напечатаны в таком виде, как написаны. Так они были опубликованы в газете "Харківський університет"¹² на украинском языке в сокращении. Конечно, это было для меня полной неожиданностью, но очень приятной.

Заданность темы (три подруги) не позволило написать о других моих коллегах, с которыми работала и дружила в течение нескольких десятилетий. За редким исключением я никого там не упоминала. И сейчас хочется восполнить этот пробел и написать о тех, с кем начинала работать в библиографическом отделе.

Когда я в 1946 году пришла в библиографический отдел, там работали 7 человек: зав. отделом Хацкель Соломонович Надель, редактор Прасковья Андреевна Штангей, библиографы Варвара Григорьевна Мухина, Владимир Адольфович Станишевский, Надежда Александровна Дружиловская, Екатерина (не помню отчества, кажется Александровна) Попова и Вера Смилянская. Прасковья Андреевна и Варвара Григорьевна работали в библиотеке до войны. Все со своими особенностями, порой странностями, но всех отличало общее – интеллигентность, высокий профессионализм, преданность своему делу, скромность.

Время было трудное, война только недавно окончилась, продукты выдавались по карточкам, одеты были плохо, но все это остава-

¹² Харківський університет. 2007. 23 жовт.

лось за порогом, когда мы приходили в ЦНБ, которую преданно любили.

Хацкель Соломонович до войны работал в Харьковской библиотеке им. Короленко. Был специалистом по литературе народов СССР. Человеком он был инициативным, библиографом высококвалифицированным, голова всегда полна темами библиографических работ, часто организовывал их обсуждение в отделе. Это он создал справочное бюро при научно-библиографическом отделе с прекрасным фондом справочных изданий, которыми так богата ЦНБ. Но в проблемы каталожно-систематизаторские, которыми тогда в основном занимался библиографический отдел, он не вникал. Не помню точно, в каком году (это была печально известная кампания борьбы с космополитизмом) Хацкель Соломонович был арестован, совершенно непонятно за что.¹³ Он недолго был в заключении. Полностью реабилитированный, он вернулся в ЦНБ. Арест надломил его, это был уже совсем другой человек. Вскоре он заболел и умер.

А вот Прасковья Андреевна уходила с головой в каталожные проблемы. Это была ее стихия. Человек она была одинокий. Почти глухая. Она засиживалась в библиотеке допоздна – и главным для нее были ее каталоги по истории партии и общественным наукам. ЦНБ использовала для организации своих каталогов таблицы Троповского со своими коррективами, и Прасковья Андреевна принимала самое активное участие в разработке этих коррективов. Она была редактором наших таблиц, проверяла правильность индексов, поставленных нами в процессе систематизации книг. Часто спорила с библиографами, не соглашалась. Трудно было с ней, конечно. Нужно было громко кричать ей в ухо, чтобы она поняла тебя. Но она была добрая, смешливая. Умерла она скоропостижно. Я была в отпуске. Вернулась и узнала, что Прасковьи Андреевны нет...

Варвара Григорьевна Мухина была библиографом по всем филологическим наукам, прекрасный знаток литературы, особенно украинской поэзии, она самозабвенно любила свою работу и никого не впускала в свой мир. Скрамная и застенчивая, она вместе с тем всегда была тверда в своих убеждениях и поступала так, как считала нужным. Она ставила прекрасные выставки, огромные, на весь лестнич-

¹³ Х. С. Надель был осужден в марте 1951 г. по 58-й статье. Освобожден в конце 1954 г. После реабилитации в 1956 г. восстановлен в ЦНБ, принят вначале и. о., а затем заместителем заведующего отделом обслуживания и книгохранения.

ный марш в старом здании ЦНБ. Но любила делать это ночью, когда в библиотеке никого не было. Работала целую ночь, иногда не одну, а утром читатели уже могли познакомиться с интересной экспозицией, где было использовано множество редчайших книг и журналов, прижизненных изданий произведений писателей из фондов ЦНБ.

Когда я пришла в отдел, Варвара Григорьевна передала мне разделы каталога по языкознанию и зарубежной литературе. Не могу сказать, что Варвара Григорьевна учила меня. Она не любила это делать, по своей скромности считая, что учить не может. Но я училась у нее и считаю ее своим учителем. Я пришла в библиотеку после окончания университета, не имея понятия о библиотечной работе. Мне нужно было ее постигать. Вот я и училась у Варвары Григорьевны, наблюдая и "подглядывая" за тем, что и как она делает. А когда Варвара Григорьевна задумала родить ребенка и ушла из библиотеки, я стала библиографом по дисциплинам, которые она вела, использовала ее методику выставок и всего, что она так прекрасно делала. Мы на долгие годы сохранили теплые дружеские отношения, и я с благодарностью вспоминаю эту милую женщину. Не знаю, жива ли она.

Одним из самых удивительных и интересных людей, которых довелось мне знать, был Владимир Адольфович Станишевский. Кажется, нет на свете того, чего бы он не знал. Он знал все, начиная от его любимой астрономии до обожаемой им поэзии. Стихов он знал на память несметное количество. Помню такой случай. Однажды я увидела роющегося в каталожных ящиках большого любителя поэзии, тогда аспиранта Пединститута Револьда Банчукова. Я подошла к нему узнать, что он ищет. Оказалось, ему нужно какое-то (сейчас не помню какое) стихотворение Николая Гумилева. В то время Гумилева не печатали, старые издания были под запретом, и Банчуков пытался найти какие-нибудь сборники тех лет, где могло быть нужное ему стихотворение. Это была безнадежная работа. Я предложила ему пойти в наш отдел к Владимиру Адольфовичу. И, конечно, Владимир Адольфович тут же прочел эти стихи на память. Он часто читал нам Цветаеву, тоже тогда не издававшуюся. Мы впервые от него узнали о Цветаевой задолго до того, как у нас стали ее печатать. Для меня было большой радостью подарить ему том стихов Цветаевой, изданный в "Большой библиотеке поэта".

Владимир Адольфович и сам писал стихи, и наша стенгазета была единственным органом, печатавшим их. Я знаю, что он обращался со своими стихами к поэту Николаю Ушакову, и тот прислал

ему одобрительный отзыв. Владимир Адольфович был библиографом по всем точным наукам и технике. С этим огромным объемом работы он справлялся легко, быстро и точно. Его обзоры литературы всегда были очень интересными. Он был автором нескольких серьезных библиографических работ.

Помню, несколько лет после войны он ходил в одной и той же коротенькой шинели, которую, вероятно, надел в первые дни войны. Однажды он заболел. Зная, что он живет один, я и несколько сотрудников пошли проведать его. Он жил в очень маленькой, продуваемой всеми ветрами комнатке. Когда мы пришли, он лежал на узкой железной кровати, укрытый все той же шинелью. У него оказалась пневмония. Мы через ректора университета добились его госпитализации, достали пенициллин и в общем выходили его. Проработали мы вместе около 40 лет. Потом он ушел на пенсию. И как-то в недобрый час его сбила машина, он попал в больницу. Прислал мне записку с просьбой передать ему книги (читал всегда очень много), уверял, что все нормально и он скоро выпишется. Но... не выписался. Вскоре он умер. Так не стало Владимира Адольфовича, моего многолетнего коллеги и друга. Есть у меня подаренная им тетрадка с его стихами. Я очень рада, что Михаил Красиков, наш бывший сотрудник, опубликовал несколько его стихотворений.¹⁴

Биологические науки вела Надежда Александровна Дружиловская. Она в совершенстве знала несколько языков, работала переводчиком в медицинских учреждениях, но биологом она не была и каким образом стала библиографом по биологии не знаю. Человеком она была своеобразным и интересным, широко образованным и начитанным, думала и высказывалась всегда оригинально. Жила Надежда Александровна одна, обожала кошек и собак и содержала бездомных обитателей со всей улицы. Работала она у нас на полставки. Когда приходила на работу, бросала сумку на пол, пристраивалась у края стола, за которым работал Владимир Адольфович, и начинала беседу. Но при этом успевала все сделать. Не помню уже, сама ли она ушла на пенсию или ей предложили, но в 1949 году она от нас ушла. Но она осталась читательницей ЦНБ и перечитала, кажется, весь фонд художественной литературы на иностранных языках.

¹⁴ Антология современной русской поэзии Украины. Т. 1 / ред.-сост. М. Красиков. – Х. : Крок, 1998. – 276 с. – С. 177-179: стихи В. А. Станишевского; с. 253: биографическая справка о нем.

Библиографом по истории была Екатерина (кажется, Александровна) Попова. При мне она проработала немного. Но запомнилась как образованный, знающий специалист, интеллигентная, спокойная и очень приятная женщина.

Очень недолго проработала и Вера Смилянская, с которой я начинала работать в справочном бюро, мой первый учитель библиотечного дела. Она вместе с Хацкем Соломоновичем укомплектовали фонд справочных изданий научно-библиографического отдела, который и в настоящее время является его основой.

В 1947 году пришла в отдел Рахиль Абрамовна Ставинская, чуть позже Эсфирь Семеновна Беркович. Но им посвящена первая часть, и здесь говорить о них я не буду.

В 1949 году по распределению к нам пришел выпускник биофака ХГУ Михаил Григорьевич Швалб, для меня всегда Миша. Миша прекрасно учился, был Сталинским стипендиатом. Он очень любил свою биологию и, конечно, мечтал о научной деятельности и имел уже некоторые успехи. Естественно, попасть после окончания университета в библиотеку вместо аспирантуры было для него тяжелым ударом. Уже работая в библиотеке, он посылал заявления о приеме в аспирантуру во многие вузы его профиля, в разные города страны. Но отовсюду получал отказ. Так продолжалось некоторое время, пока в конце концов он не смирился с судьбой. И преобразился. В это время он был назначен заведующим библиографическим отделом. Миша увлекся библиографией, с его именем связан подъем издательской деятельности ЦНБ, он был инициатором многих библиографических изданий. Вместе с директором ЦНБ Л. И. Гуревичем они разработали план научно-библиографических работ, посвященных 150-летию Харьковского университета, и был автором нескольких из них. Ему принадлежит ряд фундаментальных библиографий по естественным наукам, краеведению и др. Благодаря его усилиям, эпизодические библиотечно-библиографические занятия со студентами были включены в учебные планы университета и стали обязательными. Миша много сделал и как систематизатор литературы по естественным наукам. Ему нравилась работа по детализации таблиц Троповского и УДК, считал ее творческой и интересной. Работать с ББК ему не пришлось. К этому времени научно-библиографический отдел был реорганизован, каталогами и систематизацией литературы он уже не занимался. Но первые таблицы ББК, вышедшие в 1961 году, были как раз по биологии, и Михаил Григорьевич сделал их обзор, раскритиковал и

36

отложил в долгий ящик. Тогда еще не шла речь о переводе нашего систематического каталога на ББК. Это было позже и, как я уже сказала, без Миши. Мы с Мишей тесно и дружно сотрудничали и в отделе, и в технической комиссии по подготовке к переезду в новое здание, и в методсовете, часто советовались. Есть у нас и совместные библиографические указатели и статьи. Я не говорила здесь о деятельности Михаила Григорьевича вне библиографического отдела – она была многогранной и плодотворной (в дальнейшем он был заведующим редакционным отделом, заместителем директора ЦНБ др.)

Вдруг вспомнился "не библиотечный" эпизод. Мы собрались в ресторане по поводу какого-то торжества. Веселились, ели-пили, и Миша хорошо выпил. А от этого, как известно, и здоровый человек еле держится на ногах. Миша же на костылях. Ну как можно было отпускать его одного на его инвалидной коляске?! Поехала я с ним. Нас бросало из стороны в сторону, было страшновато, но мы хохотали и, несмотря ни на что, благополучно добрались до дома.

Уже отсюда, из Австралии, я послала в библиотеку маленькую посылочку, и для Миши в ней интересный брелок. Но он Мишу уже не застал. Так рано он ушел из жизни...¹⁵

В тот же год, что и Михаил Григорьевич, к нам в отдел пришла Мария Львовна Штраймиш. Незадолго до этого мы остались без историка – Е. Попова перешла на пенсию. К счастью, я как-то встретила на улице Марию Львовну. Мы учились в одно время в университете, но на разных факультетах и были знакомы. Остановились, поговорили, и выяснилось, что она немного работала в учебной библиотеке нашего университета, а сейчас без работы. Я поговорила с директором, и мы пригласили Марию Львовну к нам. Она, выпускница истфака, знающий историк, много лет вплоть до безвременной кончины проработала в библиографическом отделе. Работала увлеченно, с полной отдачей, принимая близко к сердцу все наши проблемы. Мы с ней писали историю ЦНБ (осталась в рукописи). Она – автор нескольких библиографических указателей.

Вот в таком составе с "некоторыми изменениями и дополнениями" мы проработали до середины 60-х годов, когда библиографиче-

¹⁵ М. Г. Швалб умер в 1995 г. Ему посвящены статьи и биобиблиографические указатели, последний из них: Михаил Григорьевич Швалб – библиограф Центральной научной библиотеки Харьковского университета: К 80-летию со дня рождения. – Х.: ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2006. – 116 с. (206 назв.).

ский отдел был реорганизован. Отношения у нас были прекрасные, дружеские. Конечно, не обходилось без ссор. Но они всегда касались только формулировок рубрик, индексов, таблиц и т.п., то есть наших служебных проблем и никогда не переходили на личные отношения – они всегда оставались самыми добрыми, теплыми, доверительными. И я с нежностью вспоминаю моих товарищей, с которыми начинала свою жизнь в библиотеке.

В 1967 году библиографический отдел был реорганизован. Ведение систематического каталога и систематизация литературы (только книг, без журнальных статей) стали функцией созданного в отделе научной обработки литературы сектора систематизации. Поделены были функции, каталоги и люди. Я перешла в отдел обработки и стала заведующей этим новым сектором, которому отдала 30 лет.

Но это уже новая страница истории ЦНБ, требующая своего отдельного рассказа.

Я проработала в библиотеке около 50 лет. За эти годы произошло много изменений в жизни ЦНБ и в моей собственной. Рядом со мной прошло много людей, среди них немало прекрасных, умных, ярких личностей. Со многими я дружила в течение многих лет. Обо всех хотелось бы написать. И в первую очередь, конечно, о моем родном секторе систематизации, о моих дорогих систематизаторах прошлых лет и нынешних, с которыми не порываю связи, и об отделе обработки, частью которого был сектор систематизации; и о дорогих моему сердцу друзьях из других отделов – обо всех, кого нежно люблю и помню.

Может быть я когда-нибудь это и сделаю. Хотя этого "когда-нибудь" у меня впереди теперь уже очень мало.

Часть 3

Мне вот-вот исполнится 90 лет. Не могу в это поверить, но хорошо понимаю, что возраст этот критический. И не нужно ждать, когда наступит это "когда-нибудь", чтобы написать о родном секторе систематизации, а сделать это прямо сейчас. Мне придется немного повториться, чтобы было понятно, с чего все началось.

Я уже говорила, что в нашей библиотеке еще с довоенных лет организацией систематического каталога и систематизацией литературы занимался библиографический отдел. Причем в рубриках систематического каталога в одном алфавитном ряду отражались не только

книги, но и журнальные статьи. Для этого в библиографический отдел из отдела обработки поступали новые книги и журналы с разложенными в них постранично карточками Книжной палаты. Библиограф не вслепую по карточкам, а просматривая статью, индексировал ее для отражения в систематическом каталоге. Таким образом, читатель находил в одном месте всю имеющуюся в библиотеке литературу по интересующему его вопросу.

Нужно сказать, что такой же практики придерживались Харьковская библиотека им. Короленко и некоторые другие библиотеки Харькова. В Москве это называли харьковскими выдумками. И каждый раз, когда в Харьков приезжала комиссия Методического центра вузовских библиотек, нам делали замечания и предлагали дирекции отказаться от такой практики и перейти на общепринятую: организацией систематического каталога и систематизацией литературы занимается отдел обработки, картотеку журнальных статей ведет библиографический отдел.

Мы рьяно отстаивали свой опыт, шли на частичные уступки, но в конце концов подчинились. В 1967 году директор ЦНБ издал приказ о реорганизации библиографического отдела и создании в отделе обработки сектора систематизации литературы. Часть библиографов была переведена в сектор систематизации, а я назначена заведующей сектором. В это время произошло объединение Центральной научной и учебной библиотек университета, и библиографы учебной библиотеки тоже стали систематизаторами. Таким образом, в сектор вошли: В. А. Станишевский (точные науки и техника), А. И. Понировская (химия, естественные науки), М. Л. Штраймиш (исторические науки), Р. П. Чигринова (общественные науки), Т. И. Улезко (экономика, экономические науки), А. И. Черномаз и М. Я. Ройтман (обе – филологические науки. Я делила с ними этот участок работы). Впоследствии в разное время приходили к нам и, недолго поработав, уходили несколько специалистов.

Долгое время новому подразделению не могли найти места: его переселяли из комнаты в комнату, с этажа на этаж и обратно, пока окончательно не определилось его место на 10-м этаже, где находится отдел обработки. На несколько лет основным содержанием работы сектора стал перевод наших систематических каталогов (генерального и отдельных) и фондов (там, где была систематическая расстановка) на новую советскую библиотечно-библиографическую классификацию (ББК). Мы много занимались, изучали таблицы, проводили се-

минары, искали наиболее приемлемые методы перехода на новую классификацию. Я уже рассказывала о том, как мы осуществили первый этап перевода каталога, позволивший нам уже через очень короткое время систематизировать всю новую литературу по ББК, продолжая постепенно, по плану редактировать каталог.

Так сложилось, что большинство систематизаторов оказались людьми предпенсионного возраста, и они один за другим покидали библиотеку. Но, к счастью, не все: это дало возможность обеспечить преемственность, передачу опыта и обучение молодых. На смену ушедшим к нам были переведены из других отделов Елена Александровна Авксентьева, Лидия Михайловна Тимошенко, Ольга Трофимовна Шашкина и Екатерина Ивановна Прохорская.

Серьезная и спокойная, математик по образованию, Елена Александровна стала заведующей сектором, когда я перешла на пенсию и осталась работать на полставки. Лидия Михайловна, историк, успела поучиться у опытной Марии Львовны Штраймиш. Екатерина Ивановна поначалу вызвала у меня сомнение. Нам нужен был специалист по точным и естественным наукам, т. к. Владимир Адольфович был уже немолод, следовало его немного разгрузить и подготовить ему смену. Систематизаторами у нас всегда работали люди с соответствующим образованием. Екатерина Ивановна окончила Библиотечный институт (позднее Институт культуры) – вот это и вызывало сомнения. Но Екатерина Ивановна, человек умный и способный, под руководством Владимира Адольфовича быстро освоила принципы и методы работы с естественнонаучной литературой и каталогами по этим дисциплинам и затем в течение многих лет прекрасно справлялась с такими сложными для гуманитария науками. И доказала, что, если человек хочет, он может все.

К сожалению, недолго поработала у нас очень способная Раиса Павловна Чигринова. Она легко освоила все особенности библиотечной работы, занималась общественными науками, была редактором. Но ушла на преподавательскую работу в Политехнический институт. Общественными науками затем занималась Ольга Трофимовна Шашкина.

Вскоре пришли к нам молодые специалисты, выпускницы университета две Ирочки – Широбокова и Журавлева. Первая не удержалась у нас – уходила, возвращалась, опять уходила и вернулась уже не к нам. А вторая – Ирина Казимировна не только удержалась и много лет успешно работала систематизатором по филологическим

наукам, но и стала директором нашей библиотеки. И я желаю ей больших успехов.

В последние годы моей работы в ЦНБ пришли в библиотеку С. А. Ермакова, И. А. Ружельник (теперь Бондаренко), Н. И. Гордеева и С. В. Кулик. Нина Ивановна Гордеева опытный библиотекарь с большим стажем работы приняла мое детище – АПУ (алфавитно-предметный указатель) к систематическому каталогу, пополняя и редактируя его. За АПУ я спокойна – он в надежных руках. Светлана Алексеевна и Светлана Владимировна (химик и филолог) – знающие, трудолюбивые, ответственно относящиеся к своим обязанностям систематизаторы. Ирочка Бондаренко окончила исторический факультет ХГУ. С ней мне довелось работать совсем немного, и узнать ее в работе я не успела. Но узнавание продолжается заочно, в переписке. Она стала заведующей сектором, и я не нарадуюсь ее преданности делу, заинтересованности в судьбе сектора, близко принимающей к сердцу все его проблемы. И еще узнала, что она очень добрый, хороший человек.

Прошло 16 лет, как я уехала из Харькова. В отделе много нового, как и должно быть с наступлением нового века. С новым временем пришли новые технологии, новые методы и направления. Не знаю, сумела ли бы я работать в новых условиях, но посмотреть хотя бы одним глазом на это очень хотелось бы.

И снова, в который раз, подумалось, как много хороших, интересных людей довелось мне встретить, с кем довелось работать бок-о-бок в течение почти полувека.

Библиотечная мозаика

1

В недавно вышедшей книге "Библиотека Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина за 200 лет" есть много ссылок на архив ЦНБ. Сейчас мне захотелось сказать: "Еще недавно этого архива не было, и к его созданию я имею самое непосредственное отношение". А потом, спохватившись, подумала: "Да нет. Давно это было, лет 40 тому назад. Просто я хорошо помню, как все это было – вот и кажется, что недавно". А было все так.

В течение многих лет в старом книгохранилище на самом вер-ху лежали какие-то папки, кипы неразобранных бумаг, пачки книг. И никто к ним не притрагивался, не пытался разобрать, привести в по-рядок. И, наверное, так и лежали бы неизвестно сколько еще, если бы... Если бы в 1962 году к нам не явилась санинспекция с проверкой санитарного состояния.

Нужно сказать, что старое книгохранилище, существующее с 1835 года, было загружено безмерно, не оставалось ни клочка свобод-ного места, дополнительные стеллажи ставились там, где была хоть какая-нибудь возможность их пристроить, без соблюдения последова-тельности номеров расставленных книг. Поэтому найти нужную чита-телю книгу было очень трудно. Это могли сделать только многоопыт-ная заведующая книгохранилищем А. А. Борщ, а потом ее ученица Танечка Назаренко.

И, конечно, комиссия хранилище опечатала. Библиотека для читателей была закрыта, а весь коллектив "брошен" на приведение хранилища в порядок (насколько это было возможно в тех условиях – практически места для новых поступлений там уже давно не было.)

Тем не менее мы дружно взялись за работу.

Я тогда была ученым секретарем, и мне было поручено разо-брать те самые завалы наверху. И оказалось это дело чрезвычайно интересным. На несколько дней я окунулась в нашу историю: в папках оказались различные документы, письма, списки, приказы, инвентари первых книжных поступлений – многое на бумаге с водяными знака-ми 18-го века. Безусловно, это был архив библиотеки, вернее остатки былого архива.

Кто и когда привел его в такое состояние, никто сказать не мог. Возможно, в годы "безвременья", когда университеты на Украине были ликвидированы, и библиотека была "ничья" (1920–1933). А по-том, наверное, "не доходили руки", чтобы разобрать и привести в по-рядок эти бумаги. И вот теперь нам предстояло сделать это.

То, что я видела и держала в руках, волновало своей подлин-ностью: вот разного рода документы с подписями почти всех библио-текарей (директоров), начиная с самого первого, Белен де Баллю.

Вот письма читателей-ученых университета с подписями (ав-тографами). Помнится, на обращении библиотекаря к читателям- "должникам" с просьбой вернуть книги профессор Артемовский- Гулак написал: "Обязательно верну".

Было там много официальных бумаг из канцелярии университета, протоколов различных заседаний, комиссий и др.

Интересны разрозненные тетради инвентарей, разделов систематического каталога, над составлением которого трудились в разные годы комиссии, состоящие из видных профессоров университета.

Все это я разобрала, систематизировала и передала в отдел редкой книги, где они (эти материалы) и составили архив ЦНБ.

С болью думаю о том, что, по всей вероятности, немало драгоценного пропало в годы лихолетий, реформ и т. п.

2

После подавления польского восстания Вильнюсский университет был закрыт, а книги из его библиотеки были переданы нескольким Российским университетам. В 1835 году библиотека Императорского Харьковского университета тоже получила 3000 книг закрытого Вильнюсского (тогда Виленского) университета. Это были, в основном, книги 18-го века.

Прошло более ста лет. Библиотека Вильнюсского университета решила вернуть себе отобранные у нее когда-то книги и через Минвуз СССР обратилась с просьбой об этом к ректору Харьковского университета. Конечно, нам очень не хотелось расставаться с этими книгами, но мы понимали, что должны подчиниться. Но как это сделать? Книги расставлены в порядке инвентарных номеров и, естественно, разбросаны по всему книгохранилищу, на каталожных карточках никаких помет нет, просматривать весь фонд книгу за книгой, чтобы выявить принадлежавшие Вильнюсу, у нас нет никакой возможности. Обо всем этом мы и написали в ответном письме.

И вот однажды, придя утром на работу, я увидела незнакомых мне мужчину и женщину. Они представились: сотрудники библиотеки Вильнюсского университета, командированы к нам, чтобы, поскольку у нас самих нет возможности искать некогда принадлежавшие им книги, помочь нам и самим поработать в нашем книгохранилище. Вот так! В течение нескольких дней они работали от звонка до звонка и выявили более 600 книг. На этих книгах стояла большая круглая печать старого Вильнюсского университета. И именно в этом заключалась для них ценность данных книг.

Оформляя передачу книг, мы просили вильнюсцев передать нам дублиеты этих книг, если таковые у них окажутся. Но просьба осталась без ответа.

3

В самом начале 50-х годов в Харьков с концертами приехал Исаак Осипович Дунаевский. Сотрудники отдела редкой книги стали просить меня сообщить Дунаевскому, что у нас в библиотеке хранится рукописный гимназический журнал, в котором есть произведение юного Дунаевского. Мне не хотелось это делать, но в последний день его гастролей вдруг решила. Когда я подошла к театру им. Шевченко, где проходил последний концерт, я поняла, что мне туда не попасть – толпы людей осаждали здание, площадь перед театром оцеплена милицией, сдерживающей напор желающих проникнуть на концерт любимого композитора. Только, когда концерт начался и толпа постепенно разошлась, я смогла войти в здание театра и оставить у дежурного вахтера записку для Дунаевского. В ней я написала: "Если Вы хотите встретиться с Вашей юностью, приходите в Центральную Научную Библиотеку Харьковского университета". И далее написала о самом журнале. Это был рукописный журнал гимназистов Второй Харьковской мужской гимназии. В нем были стихи, рассказы, эссе, философские статьи и в самом конце ноты и слова оратории гимназиста И. Дунаевского. Журнал за 1915 год, и, значит, было тогда Дунаевскому 15 лет. Мне казалось, что записка заинтригует Исаака Осиповича и он обязательно придет к нам. Но он не пришел. Прошло много времени, и мы стали уже забывать об этом эпизоде. И вдруг я получаю от него письмо. В нем Дунаевский пишет, что очень жалеет, что отложил визит в ЦНБ на последний день пребывания в Харькове, потому что оказался в плену у многочисленных харьковских родственников, и времени на поход в библиотеку у него уже не осталось. А вот теперь он опять едет в Харьков и обязательно повидается со мной.

Исаак Осипович пришел в ЦНБ в первый же день приезда в Харьков. Мы проговорили с ним очень долго, и было это необычайно интересно. Потом я побывала на его концерте.

В течение нескольких лет до самой его кончины в 1955 году мы переписывались. У меня хранятся несколько его писем, открыток и телеграмм.

В один из очередных приездов Дунаевского в Харьков библиотека подарила ему этот журнал. Теперь он хранится в Российском архиве литературы и искусства (кажется, так теперь называется бывший ЦГАЛИ) в фонде И. О. Дунаевского.

4

Когда-то, еще до войны, работал в Харьковском университете Исаак Яковлевич Каганов. Но на нашем курсе он не читал, и знакома я с ним не была. Познакомились мы уже после войны, когда он работал в Библиотечном институте (позже Институт культуры). Там он читал курс истории книги и был долгое время единственным крупным специалистом в этой области в Харькове. Он приводил своих студентов на экскурсию в наш отдел редкой книги. Так мы познакомились, а несколько позже, когда он создал в Харькове Клуб любителей книги, мы часто встречались на заседаниях Клуба, и у него дома, и в ЦНБ. Харьковский клуб любителей книги был одним из первых в стране, был известен за пределами Харькова, а Исаак Яковлевич был тесно связан с крупнейшими книговедами того времени. Он часто приглашал их выступить в Клубе. Бывали у нас и известные писатели, журналисты, коллекционеры-книголюбы и многие др. И все заседания Клуба проходили увлекательно и интересно. Общим у нас был и интерес к миниатюрным изданиям. У него была прекрасная коллекция маленьких книжечек, у меня похуже, но беседы о них нас одинаково увлекали. У Исаака Яковлевича была огромная библиотека литературоведческой, книговедческой и художественной литературы. Я знала, что в его библиотеке была рукописная книга харьковского поэта-баснописца В. Масловича. После смерти Исаака Яковлевича мы купили эту рукопись у его детей, и теперь она является украшением нашей Харьковины.

Мельбурн

май 2007 г. – сентябрь 2008 г.

Комментарии С. Б. Глибицкой

**ХАРКІВСЬКИЙ НАЦІОНАЛЬНИЙ УНІВЕРСИТЕТ
ІМЕНІ В. Н. КАРАЗІНА
ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА БІБЛІОТЕКА**

*Лауреати премії
імені К. І. Рубинського*

**ВІРА КАРАПЕТІВНА
МАЗМАНЬЯНЦ –
бібліотекар, бібліограф,
книгознавець
(До 90-річчя з дня народження)**

ХАРКІВ 2008

ЗМІСТ

ОСНОВНІ ДАТИ ЖИТТЯ І ДІЯЛЬНОСТІ В. К. МАЗМАНЬЯНЦ	3
ПРАЦІ В. К. МАЗМАНЬЯНЦ	5
ЛІТЕРАТУРА ПРО В. К. МАЗМАНЬЯНЦ	12
ІМЕННИЙ ПОКАЖЧИК	14
ПРИЙНЯТІ СКОРОЧЕННЯ	15
"ВНОВЬ ПЕРЕЖИЛА ВСЕ БЫЛОЕ..."	16

Додаток Праці

1. Трижды Герои Советского Союза Иван Кожедуб и Александр Покрышкин : указ. лит. / сост. В. К. Мазманьянц. – Х., 1947. – Машинопись.
2. Павло Грабовський (1864–1902): Біобібліогр. покажч. / уклад. В. К. Мазманьянц, Р. А. Ставинська. – Х., 1953. – 94 с. – Рукопис.
3. Шевченкознавство у працях викладачів та вихованців Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна (40-ві роки ХІХ – початок ХХІ ст.) : бібліогр. покажч. / уклад. О. П. Чугуй, Т. О. Чугуй, О. С. Журавльова, Ю. Ю. Полякова, Н. В. Аксьонова ; наук. ред. О. П. Чугуй ; бібліогр. ред. С. Б. Глибицька. – Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2017. – 128 с. – На звороті тит. л. вказані сучасні укладачі, які доповнили покажчик «Шевченкознавство в Харківському університеті» (перше вид. – 1971 р., друге – 1989 р.), укладений В. К. Мазманьянц та О. О. Мироновим.

Література про неї

1. На репетиції : [студентка Віра Мазманьянц з душевною теплотою створює роль Людмили у виставі за п'єсою О. Островського «Поздняя любовь»] // За більшовицькі кадри. – 1940. – 13 трав.
2. Березюк Н. М. Библиотека Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина за 200 лет / Н. М. Березюк, И. Г. Левченко, Р. П. Чигринова. – Х. : ЧП Тимченко А. Н., 2006. – 390 с. : ил.
Про В. К. Мазманьянц див. іменний покажчик.

Зі змісту: Лауреаты премии им. К. И. Рубинского (1995–2006 гг.) : [фотографії лауреатів]. – [С. 32 фотовклейки]. – В. К. Мазманьянц у першому ряду.

3. Віра Карапетівна Мазманьянц — бібліотекар, бібліограф, книгознавець : (До 90-річчя з дня народження) : біобібліогр. покажч. / вступ. ст. І. К. Журавльової ; уклад. бібліогр. покажч. С. Б. Глибицька ; наук. ред. Н. М. Березюк ; бібліогр. ред. Ю. Ю. Полякова. — Х. : ХНУ ім. В. Н. Каразіна, 2008. — 47 с. : 6 л. іл. — (Лауреати премії імені К. І. Рубинського).

Зі змісту: Вера Карапетовна Мазманьянц и Центральная научная библиотека / И. Журавлева. — С. 3—7 ; «Вновь пережила все бывшее...» : [воспоминания] / В. К. Мазманьянц ; прим. подгот. С. Б. Глибицкой, Ю. Ю. Поляковой. — С. 20—47.

4. Дубровіна Л. А. Бібліотечна справа України в ХХ столітті / Л. А. Дубровіна, О. С. Онищенко ; НАНУ, Нац. б-ка України ім. В. І. Вернадського, Ін-т рукопису. — К., 2009. — 530 с.

Про В. К. Мазманьянц див. іменний покажчик.

5. Мазманьянц Вера Карапетовна // Краєведи Харківщини : біогр. справочник / [сост. В. О. Соловьев и др.]. — Х., 2011. — С. 83.
6. Глибицька С. Б. Мазманьянц Віра Карапетівна / С. Б. Глибицька // Українські бібліографи : Біогр. відомості : Проф. діяльність : Бібліографія / Держ. закл. «Нац. парлам. б-ка України» ; авт.-уклад. Н. І. Абдуллаєва. — К., 2011. — Вип. 3. — С. 79–82.
7. Глибицкая С. Б. Жизнь Веры Карапетовны Мазманьянц сквозь призму ее воспоминаний : (К 100-летию со дня рождения) / С. Б. Глибицкая // Бібліографічні студії пам'яті харківського бібліографа-краєзнавця Галини Каширіної (23 травня 2019 року). — Харків, 2019. — С. 20–29 с фот. — URL: <https://ru.calameo.com/read/000632945522a6d11bb8b> (дата звернення: 12.09.2020).
8. Журавльова І. Бібліотекар-першовідкривач: до 100-річчя Віри Карапетівни Мазманьянц (1919–2011) / І. Журавльова, С. Глибицька // Бібліотечний форум: історія, теорія і практика. — 2019. — № 4. — С. 60–62. — URL: <http://www.libraryforum.info/issue/zhuravlova-i-glibicka-s-bibliotekar-pershovidkrivach-do-100-richchya-viri-karapetivni> (дата звернення: 12.09.2020).